

Владислав
КРАПИВИН

САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА

Сказки и были Безлюдных пространств

Владислав Крапивин

Самолет по имени Сережка

«наследники Крапивина»

1993

Крапивин В. П.

Самолет по имени Сережка / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 1993 — (Сказки и были Безлюдных пространств)

«Однажды летом нас чуть не обокрали. Случилось это около десяти часов утра. Я к тому времени как раз прибрался, вымыл всю посуду, сел смотреть передачу «Утренняя звезда», и тут у двери затренькал сигнал. Я выбрался в нашу тесную прихожую. Глянул в глазок (он сделан на уровне моего лица). За дверью топтался плюгавый лысоватый дядька в клетчатой рубахе и с полевой сумкой через плечо. Он мне сразу не понравился...»

© Крапивин В. П., 1993

© наследники Крапивина, 1993

Содержание

Часть I	5
Балконный житель	5
«Ты остался дома...»	11
Лопушок	16
Деревянные тротуары	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владислав Крапивин

Самолет по имени Сережка

*Памяти старшего брата Сергея, научившего меня в детстве
мастерить бумажные самолетики.*

Часть I

Тишина безлюдных пространств

Балконный житель

Однажды летом нас чуть не обокрали. Случилось это около десяти часов утра. Я к тому времени как раз прибрался, вымыл всю посуду, сел смотреть передачу «Утренняя звезда», и тут у двери затрещал сигнал.

Я выбрался в нашу тесную прихожую. Глянул в глазок (он сделан на уровне моего лица). За дверью топтался плюгавый лысоватый дядька в клетчатой рубашке и с полевой сумкой через плечо. Он мне сразу не понравился.

– Кто там?

– Телеграмма, – сказал он тонким голосом.

Вот новости! У меня и у мамы нигде нет родных. А мамины друзья и знакомые телеграмм не шлют, звонят, если надо, по междугороднему телефону. Даже с днем рождения так поздравляют.

– Опустите в ящик вниз. Мама придет и возьмет...

– Да не положено в ящик! Расписаться же надо!.. Слышь, мальчик, ты чего боишься-то? Разносчик я с телеграфа, меня тут все знают! Уж который год хожу...

Ишь ты, уже по голосу определил, что мальчик. А то, что с телеграфа, явно врет. Если бы часто ходил в наш дом, я бы видел его с балкона. Я всех знаю: и почтальонов, и слесарей, и электриков. И они меня знают, даже здороваются иногда...

– У меня ключа нет! Мама ушла и меня заперла.

Он закричал злым и плачущим голосом, громко. Видно, знал, что в соседних квартирах никого нет, все на работе.

– Чего ты мне мозги-то пудришь! Я же вижу, какой у вас замок, он изнутри без ключа отпирается!.. Эй, парень, открой по-хорошему! Мне расписка нужна!

– Тогда приходите, когда мама будет дома!

– Да когда она будет-то? Небось к вечеру!

– Нет, она на обед придет!.. – И тут я спохватился: вот балда! Надо было сказать, что мама ушла в магазин и появится очень скоро...

Разносчик сказал уже негромко и с удовольствием:

– До обеда-то еще ого сколько... Тогда ладно. Не хочешь добром, открою сам. А ты сиди и не плавай, а то придавлю как таракана. Усек?

Я обмер. Потом дернулся, щелкнул запасной задвижкой. Но, если это настоящий взломщик, что ему жиденькая щеколда.

Грабитель хмыкнул за дверью и зацарапал в замке чем-то скребущим, железным...

Дорогих вещей у нас не было. Золотые сережки мама носила на себе. Так что и красть-то особенно нечего. Но ведь последнее унесет, гад! И наверно, даже телевизор! Как тогда жить?..

Да и придется ли жить после этого? Хорошо, если только заткнет рот и привяжет к креслу, а если... самое жуткое...

– Не смейте! – завопил я. – Убирайтесь! Я... в милицию позвоню!

– Звони, звони, – выдохнул он сквозь скрежетанье.

Телефон был у моей постели. Я, отчаянно дергая колеса, ворвался в комнату, схватил трубку. Надо набрать «ноль два», крикнуть, что ломятся в комнату, назвать адрес... Но в трубке – ни гудка, ни шороха. Этот тип оборвал провод!

Но все же одного он не учел. Того, что с южной стороны дома у нас балкон.

Я толкнул подножкой дверь. Обычно это была такая возня – протискиваться с креслом на балкон, а тут, с перепугу, в один миг.

На дворе, как назло, ни души. Даже бабок на лавочке нет. Что же мне делать? Валиться вниз через перила и калечиться окончательно? Или заорать изо всех сил? Но кричать я не мог. И страшно было, и... несмотря ни на что, стыдно...

У гаражей стоял коричневый «жигуленок». Я пригляделся – из-под «жигуленка» торчали дяди Юрины ноги. Дядя Юра – наш сосед с пятого этажа.

Я оглянулся. В длинном деревянном ящике росли лук, горох и помидорная рассада. Это был мамин «огород», она любила возиться с землею. Среди помидорных листьев висели два зеленых шарика. Мама часто говорила: «В августе покраснеют, и съедим в полное удовольствие. Хотя и мало, зато свои...» Ладно, сейчас не до лакомства! Я сорвал помидорчик и очень точно (видимо, со страха) угодил им в крышу «жигуленка». Дядя Юра вылез, недовольно заоглядывался. Вторым помидором я попал ему по башмаку. Дядя Юра вскинул глаза, и я с отчаянным лицом замахал руками: идите сюда, скорее! Он прибежал под балкон. Тогда я сделал рупором ладони, сдавленно сказал:

– Какой-то мужик в коридоре ломает у нас замок...

Дядя Юра стоял всего секунду. Потом выхватил из машины монтировку – и в подъезд. За дверью почти сразу – шум, вопли. Дядя Юра показался на дворе опять. Монтировку держал под мышкой, а взломщика – за шиворот и сзади за штаны. Нес по воздуху. Грабитель верещал и барахтался, да от дяди Юры разве вырвешься!

Дядя Юра запрокинул голову, закричал:

– Гриша, а ну давай сюда, мигом!

Гриша – он тоже наш сосед, с четвертого этажа. Недавно вернулся из армии. Он вылетел из дома – в тельняшке, трусах и с недоеденной воблой в руке (наверно,пил с утра пиво). Вдвоем с дядей Юрой они запихали пленника в машину (он выл и ругался по-черному). Гриша втиснулся рядом с ним. Пленник взвыл последний раз и притих. Дядя Юра помахал мне:

– Ромчик, не бойся, мы скоро!

Дверца хлопнула, автомобиль рванул...

Возвратились дядя Юра и Гриша не очень скоро. Где-то через час. Все это время я сидел на балконе, не смел вернуться в квартиру, хотя, казалось бы, чего теперь бояться...

Когда «жигуленок» прикатил, Гриша бегом бросился допивать пиво, а дядя Юра поднялся ко мне.

Он сказал, что милиция была очень довольна, домушника этого, оказывается, давно уже искали. А еще милиционеры веселились от того, что Гриша появился там без штанов. Но веселились не обидно и наперебой благодарили Гришу и дядю Юру.

– И тебе просили передать громадное спасибо.

– Мне-то за что? – Я вспомнил, какой был перепуганный.

– Отважный, говорят, парнишка...

– Ага, чуть лужу не напустил...

– Не скромничай. Вон как ловко поднял меня по тревоге...

Дядя Юра в два счета починил замок, который успел попортить незваный гость. Соединил телефонный провод... И тут примчалась мама. Оказывается, она целый час звонила с работы, чтобы узнать, как у меня дела. Звонит, а ответа нет!

– Я чуть с ума не сошла! Что случилось?

Дядя Юра объяснил, что именно случилось. Весело так объяснил, со смехом, чтобы мама не очень переживала. Но она все равно побледнела и все трогала меня за плечи: в самом ли деле я цел и невредим. Чтобы ее отвлечь от страха, я сказал:

– Все хорошо, только помидоры не вырастут... Ты уж не сердись... – И вдруг разреvelся. Сразу. Неожиданно для себя.

Мама опять испугалась, но дядя Юра стал говорить, что это пустяки, просто результат нервного переживания. Такое бывает и со взрослыми мужчинами – после боя или сильной опасности. Главное, что в решительную минуту я вел себя как герой.

С этого дня мы с дядей Юрой подружились. Он часто катал меня на своей машине, даже в лес возил. Два раза мы были с ним на рыбалке. Правда, сам я не рыбачил (откровенно говоря, жаль рыбешек, когда они трепещут на крючке), но сваренную на костре уху лопал с удовольствием. Стал дядя Юра заходить и к нам домой. Оно и понятно, был он холостяк, скучал один в своей квартире. С нами он пил чай, смотрел телевизор, разговаривал о том о сем со мной и с мамой. Мама говорила, что он очень славный и порядочный. И я стал даже думать... Ну, а почему бы и нет? Появился бы у меня отец! Пусть не родной, но зато жили бы мы с ним душа в душу.

Потом я узнал, что и дядя Юра думал так же. Оказывается, в августе случился у них с мамой об этом разговор. А дальше... Дальше все было плохо. Дядя Юра очень быстро обменял квартиру и уехал в другой город, на какую-то стройку, где ставили дома для беженцев. Приятелю Грише он сказал перед отъездом: «Я теперь и сам как беженец, такое вот дело...»

Мне дядя Юра оставил подарок: пластмассовый конструктор для сборки модели спортивного самолета. Правда, коробку принес не сам, а попросил передать Гришу. Наверно, боялся, что при прощании я разревусь. Так бы, наверно, и случилось...

Я открыл коробку, потрогал тонкие крылышки и элероны, потом лег рядом с коробкой щекой на стол. И глаза намокли.

Тут как раз пришла мама.

– Ромик, что с тобой?.. Откуда у тебя эта игрушка?

«Тебе все игрушки», – подумалось мне. И я сказал сипло:

– Сама небось догадалась. От дяди Юры...

Мама только вздохнула. Я не выдержал:

– Конечно, он тебе не пара. Какой-то прораб... А у тебя высшее образование...

Мама спросила тихо:

– Это он тебе так сказал?

– Ничего подобного... Он даже не зашел...

Мама села рядом, проговорила устало:

– Ну при чем здесь образование? Просто нельзя жить вместе, если нет любви. Конечно, Юрий Андреевич очень хороший, но... – И замолчала. Потому что и так все ясно.

Тогда я сделал, как говорится, ход конем:

– А ко мне-то у тебя есть любовь?

– Рома...

– Нет, ты скажи!

– Неужели ты считаешь, что нет?

– А тогда почему ты хочешь сплавить меня в интернат?

Я понимаю, это вышло у меня совсем не ласково. Даже беспощадно. Однако выхода не было: я боролся за свою судьбу.

Потому что не хотел я в интернат! Из всех сил не хотел!!

Мне казалось, что интернат похож на больницы, в которых я лежал много раз и подолгу. И которые мне тошно вспоминать. Опять будут палаты с кроватями в ряд, белые халаты, запах лекарств и кухни, который не исчезает в коридорах. Короче говоря, казенный дом. И ни единого уголка, где можно остаться одному.

Я же там зачахну от тоски!

Мне надо, чтобы вокруг были родные стены, которые я люблю до последней трещинки. Чтобы рядом все было привычное, мое. *Мой* стеллаж с книгами, *мой* телевизор, *мой* булькающий и ворчливый кран на кухне, *мой* пылесос, с которым я управляюсь не хуже мамы. *Мой* балкон и *мой* двор за окнами. И чтобы мама была рядом каждый день. Вернее, каждое утро и каждый вечер... Неужели она этого не понимает?!

А мама снова и снова заводила разговор об интернате:

– Тебе нужен коллектив, товарищи. Такие же, как ты. Чтобы ты чувствовал себя равным среди равных...

Но я не хотел быть *таким* равным.

Нет, не подумайте, что я как-то по-нехорошему относился к инвалидам. Если бы я сам умел ходить, я мог бы вполне подружиться с больными ребятами и помогал бы им во всем. От души, а не из жалости. По-моему, такие ребята всегда должны быть с обыкновенными мальчишками и девочками. И среди них стараться чувствовать себя равными.

Если сильно захотеть, можно добиться многого!

Я, например, твердо решил, что когда вырасту, то заработаю деньги, куплю машину с ручным управлением и отправлюсь в путешествие по разным странам. И потом напишу про это путешествие книжку и сделаю к ней свои собственные рисунки.

А если не хватит денег на автомобиль, куплю мотоцикл. Я видел телепередачу про безногого американца, который на мотоцикле путешествовал вокруг света! И его всюду встречали как героя. Даже всякие воюющие стороны пропускали его сквозь свои позиции.

А еще я читал про слепого яхтсмена, который под парусом отправился через Атлантику. А летчик Маресьев даже воевал без ног, самолет водил!

Но о самолете – это особый разговор, дальше...

Мама слушала мои такие разговоры и говорила «да, конечно». Однако тут же сворачивала к тому, что будущие путешественники, журналисты и художники сперва должны много учиться.

А я разве не учился? Пятый класс закончил без единой троечки! Учителя из соседней школы раз в месяц принимали у меня зачеты: и по русскому, и по математике, и по всяким другим предметам. Даже по музыке. Потому что у нас дома было пианино и я вполне освоил нотную грамоту и научился брэнчать разные мелодии. Плохо только, что педалями пользоваться не мог... Учиться было совсем не трудно. Случалось, что месячное задание я делал за три-четыре дня. Но все равно мама снова и снова, при каждом удобном (и неудобном) случае, начинала беседы об интернате. В глубине души я давно уже догадывался, почему она это делает.

Мама у меня молодая и красивая. И вдруг ей такое наказание – сын-калека! Я слышал однажды мамин разговор с подругой тетей Элей. С балкона слышал. Они думали, что дверь на балкон закрыта, а там просто была задернута штора.

– Брось, Элечка, – говорила мама. – Кто меня возьмет с таким приданым...

Элечка в ответ неразборчиво молчала языком.

Мама опять сказала:

– Нет уж, такая судьба. Этот крест мне суждено нести до конца дней. Я одного боюсь: если со мной что случится, как он будет один-то? Совсем не приспособленный к жизни.

Но разве с мамой может что-то случиться? Нет, я об этом даже самым краешком мозга думать боялся.

И разве я такое уж скверное «приданое»? Почему «совсем не приспособленный к жизни»?

Я же дома все делал сам. И прибирался, и суп умел сварить, и даже знал, как стирать в машине «Малютка». И электрический уют чинить меня дядя Юра научил...

И я вовсе не считал, что моя жизнь совсем плохая. У нас дома полным-полно замечательных книг, и телевизор, и проигрыватель с пластинками. И всяких конструкторов у меня куча...

И не бойся, мама, не буду я твоим «крестом». Вот вырасту, выучусь на географа или корреспондента, заведу машину – и в дальнюю дорогу!

Однажды накопились во мне обиды, и я в упор все это высказал маме. Она тоже не выдержала и много мне наговорила в ответ. Что я эгоист, что до взрослости мне еще тянуть и тянуть, и что никакой путешественник и журналист из меня не выйдет, если все детство проведу в своей комнате и на балконе.

– И получится из тебя балконный житель! Потому что с этого балкона ты не вылазишь!

Ну и что же? Да, я любил наш балкон. Он был для меня будто капитанский мостик.

Наша пятиэтажная «хрущевка» стоит на краю панельного квартала, на взгорке. За сараями и гаражами видны старые березы, тополя и голубятни. И старинная колокольня.

Но самое интересное – наш двор. Он большой, зеленый, есть где играть и в мяч, и в прятки, и в разные другие игры. Ребята почти каждый день играли, особенно летом. И я всех их знал, и они меня знали, и все относились ко мне по-хорошему. Случалось, мы перебрасывались мячиком: они мне на балкон, я – обратно. А иногда мальчишки выносили на двор меня и кресло, катали по соседним улицам, брали с собой на берег ближнего пруда.

А еще меня назначали судьей в волейбольных встречах. Судить никто не любил, все хотели играть, а я – всегда пожалуйста. А бывало, что на широком крыльце соседнего деревянного дома мы играли в шахматы, в лото и в подкидного дурака, хотя бабка Тася и бабка Шура на ближней скамейке ворчали:

– Ишшо че надумали! От горшка два вершка, а уже в карточные игры... И хворого мальчонку с пути сбивают.

Однажды я участвовал в стрелковых соревнованиях. Все ребята понаделали себе луки и мне тоже дали черемуховую палку, чтобы я смастерил оружие. И я смастерил. И стрелы сделал с наконечниками из жести и с перьями. Мы стреляли с двадцати шагов по разноцветным картонным мишеням, прибитым к забору. И я занял третье место. И получил приз – большую спелую грушу.

Ну, может, главный судья, девятиклассник Владик Ромашкин, когда считал очки, малость поколдовал над ними, чтобы у меня получилось третье место (я уж потом догадался). Но четвертое-то было точно! Из двенадцати...

Изредка ребята приходили ко мне домой. Пластинки слушали, играли моей железной дорогой, болтали о том о сем. И я в это время совсем не чувствовал себя не таким, как они...

А еще ребята любили, когда я пускал с балкона бумажных голубей. Точнее говоря, это были не совсем голуби. Я научился делать из бумаги птичек, похожих на летающие блюдца. Совсем круглые, только со складкой посередине и с треугольным клювиком. Они здорово летали, плавными широкими кругами. Иногда ветер подымал их на высоту и уносил со двора.

Ребята толпой гонялись за каждым голубком – кто первый схватит! Потом, чтобы не было свалки, я стал заранее говорить, какого голубка кому посылаю.

Дело в том, что каждого голубка я разрисовывал фломастерами. На одном рисовал всякие узоры, на другом – кораблики среди моря, на третьем – сказочные города, на четвертом – цветы и бабочек. И всякие космические картинки. И еще много всего. Ребятам это нравилось.

А потом оказалось, что не только ребятам. В нашем доме живет Анна Платоновна, заведующая клубом при домоуправлении. Она выпросила у ребят моих голубков, штук тридцать, и устроила в клубе выставку под названием «Фантазии Ромы Смородкина». Про эту выставку даже в городской газете заметку напечатали. Там было сказано, что «у юного художника удивительное чувство цвета и очень своеобразное понимание перспективы, словно он пытается расширить привычное трехмерное пространство». А я ничего не пытался! Просто так рисовал...

Мама была рада, что я прославился. А я не очень. Потому что в газете написали и то, что я «прикован к инвалидному креслу». А при чем тут рисунки? И мне после этого расхотелось пускать с балкона голубков. Я сделал последнего и – сам не знаю почему – нарисовал вечернее небо, оранжевое солнце на горизонте и дорогу, по которой идут рядом двое мальчишек.

Хотя нет, я знал, почему нарисовал такое. Хотелось, чтобы появился друг. Не случайный, не на час, когда забегает поиграть в шахматы или послушать Пола Маккартни, а настоящий.

Я пустил голубка с балкона, и ветер унес его за тополя. И я подумал: вот найдет кто-нибудь, догадается, придет ко мне.

Но ничего такого не случилось. Наступила осень. От интерната я очередной раз отбился (да мама уже почти и не настаивала). Потом пришла зима и потекли обыкновенные дни: с уроками, с книгами, с телевизором, с прогулками, на которые по выходным вывозила меня мама (тяжело ей было вытаскивать со второго этажа меня и кресло, но она крепилась).

За зиму я прочитал толстенный шеститомник Купера, все романы про Тарзана (их мне приносил Владик Ромашкин), книгу «Загадки Космоса», поэмы Пушкина, «Путешествие на «Снарке» Джека Лондона и большую «Историю авиации».

И вот тогда, прочитавши эту книгу, я наконец склеил самолетик из дяди Юриной коробки.

Это был спортивный одноместный биплан «L-5». Судя по знакам на крыльях, французский. Славный вышел аэропланчик – просто как настоящий, только крошечный. Я подвесил его на нитке над своей тахтой и часто им любовался. И даже воображал, что я там, в кабине...

Только этот самолетик пробыл у меня недолго. Под Новый год пришла к нам в гости тетя Эля со своим семилетним племянником Ванюшкой. Конопатый такой первоклассник, любитель книжек (вроде меня), в космических вопросах разбирается. Мы с ним хорошо поиграли и поболтали про много всего интересного. Но я видел, что самое интересное для Ванюшки – моя модель «L-5». Поговорит, поговорит, а потом опять подойдет к ней, тронет пальцем и смотрит, как она качается на нитке. Ну... я вздохнул про себя, отрезал нитку:

– Это тебе подарок на Новый год...

Ох и засиял Ванюшка!

И мама заулыбалась. Понравилось ей, какой я щедрый. Но, конечно, не только это понравилось. Решила, что теперь я реже буду вспоминать дядю Юру.

Но у меня же от него и кроме самолета кое-что осталось! Электрический фонарик, паяльник, универсальная отвертка...

Конечно, жаль модель, но Ванюшка так смотрел на нее...

А в ту новогоднюю ночь – будто награда мне! – впервые увидел я свой «летучий сон».

Я об этом потом расскажу подробнее.

«Ты остался дома...»

Зима и весна были холодными и тянулись долго. Даже в мае случались такие бураны, что от липкой тяжести снега ломались деревья. Но потом сразу свалилась на город жара. Все тут же густо зазеленело: и тополя, и березы, и наш двор. У сараев, гаражей и заборов за неделю вымахнули непролазные травяные джунгли. Раньше такого не бывало.

Я слышал с балкона, как бабка Тася и бабка Шура толковали, что все это – от зловредных космических лучей и от радиации. По-моему, они чушь городили. Просто за полгода накопилось на земле много снега, а затем солнце разом превратило его в воду – вот от избытка влаги и пошла в рост буйная зелень.

На дворе у нас и в прошлые годы цвели одуванчики, но в нынешнем июне их оказалось видимо-невидимо. И громадные! До той поры я никогда не видел таких. У некоторых стебли – в метр длиной!

Однажды девочки бросили мне на балкон целую охапку одуванчиков. Я сделал из них букет и поставил в стакан. Для такого букета длинные стебли были не нужны, я поотрывал их.

Эти стебли похожи были на тонкие трубки – вроде ниппельной резины для велосипедных колес и для колес моего кресла. Но резина – мертвая, а стебли – как частички живого лета. На месте обрыва выступал белый сок, ну в точности как молоко. Только он был не сладкий: тронешь языком – не молоко, а горечь. Я брал один конец стебля в рот и дул, а другим концом водил по лицу, по рукам, по ногам. Из него била холодная воздушная струйка. И вот что интересно! Мои ноги, которые не чувствовали ни толчков, ни щипков, ни ударов, эту струйку чувствовали! Будто крошечный человечек щекотал кожу прохладным пальцем. Значит, все же не совсем они омертвели! И... даже надежда начинала шевелиться. Ну, не очень большая, однако настроение делалось веселее.

И букет из одуванчиков мне нравился. Проведешь по щеке цветами, и словно коснулся лицом пушистого облака – вроде тех облаков, которые видел я иногда в своих снах про самолет...

В холодное время я не очень-то любил просыпаться по утрам, хотелось подольше оставаться в своих снах, где звезды, высота и свист ветра в крыльях. И свобода, и беззаботность... Но когда началось лето, я стал подыматься рано и с удовольствием. Зелень и солнце тянули меня к себе...

Одуванчики через день увяли, и в то утро я, проснувшись, подумал, что надо попросить девчонок – пусть бросят свежие. Или нет! Лучше попрошу ребят вытащить меня на двор и нарву цветов сам. И покатаюсь по всему двору, поиграю с мальчишками... Я был уверен, что день меня ждет замечательный.

Но сразу все пошло наперекосяк.

Едва я умылся, мама сказал:

– Рома, я хочу поговорить с тобой серьезно...

Когда мама хочет поговорить серьезно, это не к добру.

– Опять насчет клиники или интерната!

– Послушай внимательно, с пониманием. Ведь не дитя уже, почти двенадцать лет...

«Недитя» слушает, – сумрачно сообщил я.

– Мне предлагают путевку в профилакторий «Северный край». Можно отдохнуть и полечиться. И если бы ты согласился...

– Разве я против?

– Но я же не могу оставить тебя одного! И я договорилась в фонде «Особые дети», что тебя на это время определяют на дачу, куда выезжают ребята... из специнтерната...

– Я так и знал!

– Ну, послушай же в конце концов! Почему ты упрямисься? Разве плохо пожить в новой обстановке? Всего три недели!

– Ага! А потом: «Ты же видишь, как тут хорошо! Почему бы тебе не остаться в интернате на учебный год?»

– Там постоянный медицинский надзор!

– Вот именно «надзор»!

– Ты эгоист! В конце концов, разве я не имею права отдохнуть? Я измоталась за этот год!

– Ну и отдыхай, пожалуйста! А у нас пускай тетя Надя поживет! Как в тот раз, когда ты в командировку ездила.

Тетя Надя была пожилая мамина знакомая, пенсионерка. Толстая и добрая. Мы с ней жили душа в душу, когда мама была в Самаре по делам своего института.

– Командировка – это всего неделя. А здесь три. И я не уверена, что Надежда Михайловна согласится...

– Ты же еще не спрашивала!

– Но она больная и почти слепая! Как она будет смотреть за тобой?

– А чего за мной смотреть!

– Роман! Пойми же наконец! Я не смогу отдохнуть, если не буду знать, что ты в надежном месте...

– А если, когда нас тут не будет, обчистят квартиру? – ехидно напомнил я.

– Пусть! Главное, что с *тобой* все будет в порядке.

– Спасибочки за такой «порядок»!

– Там чудесные условия и чудесные люди. А если ты останешься здесь, я в профилактории не проживу спокойно ни дня!

– Ну да! Зато тебе будет очень спокойно от того, что я мучаюсь на этой тюремной даче!

У мамы глаза из серых сделались желтыми. И круглыми... Я очень люблю маму, но когда у нее делаются такие глаза, у меня внутри будто закипает. И у мамы, наверно, такое же чувство.

– Так бы и огрела тебя чем-нибудь!

– Ну и давай!.. Ноги у меня ничего не чувствуют, а место, откуда они торчат, вполне... осязательное. Бери ремень...

– Ты циник, – печально сказала мама. – Знаешь, что такое циник?

– Знаю! Тот человек, который говорит неприятные вещи прямо в глаза!

– Не совсем так, но... А какие неприятные вещи ты еще хочешь сказать мне в глаза?

Надо было бы остановиться, но я «поехал». Все равно ничего хорошего ждать уже не приходилось.

– Я знаю, почему ты стараешься меня туда упихать! Это Верховцев подговаривает!

– Вот уж чушь-то! – Мама, кажется, даже испугалась.

– Ничего не чушь! Зачем ему такое приданое!

...Верховцев был мамин знакомый. Он стал работать в институте с прошлой осени. И маме он нравился, она этого не скрывала. Верховцев ну ни капельки не походил на дядю Юру. От того пахло табаком и машинной смазкой (даже если он в новом костюме), а от Верховцева – одеколоном. Ну и хорошо, ну и пожалуйста, только... нет, я сам не знаю, почему он мне был не по душе. Он ведь всегда показывал мне свое уважение. Даже на «вы» называл, и это получалось у него не нарочито, а вполне естественно: «Знаете, Рома, в оценке этой книги я не могу с вами согласиться...» Или: «Рома, если вы не против, я украду Ирину Григорьевну из дома на два часа, в галерею выставка рисунков Рембрандта...»

Я был не против. Я понимал, что у мамы должны быть радости в жизни. И даже когда узнал, что Верховцев сделал ей предложение, сказал внешне беззаботно: «Решай сама, он ведь на тебе мечтает жениться, а не на мне». И мама решала, думала. А я, хотя и не очень хотел такого отчима, но и не тревожился сильно. Потому что Верховцев часто заявлял: «Я, Рома,

вполне разделяю ваше отвращение к интернатному быту. У каждого человека должен быть родной кров...»

Неужели врал?!

Мама старательно возмутилась:

– Что ты выдумываешь! Наоборот! Евгений Львович не раз говорил, что нельзя тебя сдавать в интернат!

– Вот-вот! «Сдавать»! Как чемодан в камеру хранения! Не забудьте взять квитанцию...

Мама помолчала, сдерживая себя. Из всех сил. Потом понемногу успокоилась. И сообщила, что я «совершенно не способен к нормальному диалогу». Стала собираться в свой институт и спросила, будто между прочим, не помню ли я телефон Надежды Михайловны. Она и сама его, конечно, помнила, но давала мне понять, что станет договариваться с тетей Надей, потому что не намерена отправлять меня на интернатную дачу насильно. Мама не любила, уходя на работу, оставлять меня «в напряженном состоянии».

– Не забудь вымыть посуду. И пожалуйста, не забывай запираť решетку, когда уходишь с балкона.

Мама ушла, я малость успокоился, но настроение все равно было тусклое. Чтобы его разогнать, я подкатил к двери в прихожую. На прибитых к косякам крючьях лежала перекладина из обрезка трубы – мой турник. Мама настаивала, чтобы я регулярно тренировал руки. Врачи говорили ей про свои опасения: мол, паралич может распространиться вверх, и руки тоже онемеют. Мама думала, что я про это не знаю, но я знал и очень боялся. Тем более что иногда – во сне, или во время рисования, или когда мастерил что-нибудь – по рукам вдруг пробегал колющий холодок, и мышцы после этого делались вялыми. Я старался не думать про страшное и убеждал себя, что такие приступы – случайность... Может, и правда они были случайностью. В общем-то пока сила в руках у меня сохранялась. Ведь им всегда хватало нагрузки: приходилось работать и за себя, и за ноги...

Я протиснулся под перекладину, ухватился за нее. Кресло отъехало, я повис. Покачался на вытянутых руках, подтянулся, положил на холодную трубу подбородок. Ноги подошвами коснулись паркета. Вышло, что я стою.

В прихожей напротив двери висело длинное, почти до пола, зеркало, и я видел себя «в полный рост».

Наша знакомая тетя Эля (я слышал) не раз говорила маме, что я очень симпатичный.

– Ну, прямо юный маэстро! Смотри, какие глазищи! А волосы... Ну, просто маленький Карузо!

– Да, конечно, – со вздохом соглашалась мама. – Если бы не... – И замолкала.

Я не знаю, как выглядел маленький Карузо. А что до меня, то, по-моему, пацан как пацан. «Если бы не...»

Но сейчас этого «не» зеркало не отражало. Казалось, мальчишка встал на пороге, положил на поперечную блестящую трубу подбородок и задумчиво смотрит на свое отражение.

Сам обыкновенный, и отражение обыкновенное. С нерасчесанными темными волосами, с надутым от недавних огорчений лицом, в белой футболке со штурвалом и надписью «Одесса», в мятых синих шортах со старомодным пионерским ремешком, в новеньких кроссовках (у них никогда не будут стерты подошвы, но сейчас это неважно). С длинными, совсем нормальными на вид ногами. Они даже и не очень худые. И успели загореть, как у всех мальчишек, потому что я подолгу торчу на солнечном балконе. Правда, сзади загара нет, но сейчас этого не видно...

Солнце нынче сильное, горячее, я даже слегка «обжариться» успел, хотя загорать в этом году стало труднее. Дело в том, что мама, боясь новых попыток ограбления, заказала осенью металлическую наружную дверь и заодно – железную решетку для балкона. Ведь забраться со

двора на второй этаж ничего не стоит! Я спорил, доказывал, что не хочу жить как в тюрьме. Но мама сказала, что в решетке сделают широкие ставни, можно будет их распахивать.

Ну, я и распахивал. Но солнце-то светило не только сквозь этот проем в решетке, а отовсюду. И чтобы оно не отпечатывалось на мне пятнами, я елозил с креслом туда-сюда...

Руки и подбородок у меня наконец устали. Я повис, разжал пальцы, шмякнулся на пол (услыхал, как о паркетные плитки стукнули колени; могут появиться синяки, но болеть они не станут). На руках добрался до кресла, влез в него. На душе по-прежнему был осадок от ссоры с мамой, и на балкон не хотелось.

Я сердито включил телевизор: все равно ничего путного не покажут. Ну, так и есть! На одном канале солидный депутат доказывал, что «судьба экономических реформ зависит от консенсуса между правительственными кругами и сферой предпринимателей». На другом повторяли вчерашнюю серию «Синдиката любви». Я и вчера-то ее смотреть не стал. Во всех сериях одно и то же: или мчатся на машинах и палат очередями, или он и она лижутся в постели (аж тошнит, как поглядишь)... Переключил, а там по сцене прыгает волосатый дурак с гитарой, в драной жилетке и широченных цветастых бермудах. И орет в микрофон что-то бессвязное.

Я разозлился и убрал звук. Теперь парень вовсю скакал, бегал и разевал рот, а в результате – тишина. Сперва было смешно, как этот ненормальный старается напрасно. А потом стало немножко жаль его, и я включил громкость. И вдруг разобрал слова! Парень орал одну и ту же фразу:

Рома, Рома!
Ты остался дома!
Рома, Рома!
Ты остался дома!

Будто нарочно для меня! Ведь я, хотя и со скандалом, в самом деле остался дома, отбился от интернатской дачи!

Я даже почувствовал благодарность к певцу, хотя и не люблю такую вот «попсу». А он, видать, почувствовал мое настроение и взвыл пуще прежнего:

Рома, Рома!
Ты остался дома!

Наверно, он еще долго так старался бы, но затрезвонил телефон. Звонила мама. Сказала сухо:

- Как у тебя дела?
- Нормально...
- Посуду вымыл?
- Ага, – соврал я (успею еще до обеда).
- У меня заседание кафедры, на обед я не приду. Разогрей суп, вермишель, залей ее яичницей. Компот в холодильнике...
- Ага...
- Ты мог бы отвечать и более развернуто.
- Ага... То есть я все понял. Не волнуйся.
- Не вздумай опять питаться всухомятку.
- Не вздумаяю.
- И... вот еще что. Я позвонила Надежде Михайловне, она, возможно, согласится остаться с тобой...

Я чуть не крикнул «ура», но засвербило в носу и в глазах. Какой-то кашель получился.

- Что с тобой?
- Ничего... Ма-а... ты хорошая.
- А ты подлиза, – с облегчением сказала ма. – И совершенно негодная личность.
- Ага! И врун! Потому что по правде я еще не мыл посуду. Но я сию минуту! До блеска!

Всю-всю...

Потом я неподвижно сидел минут пять и словно таял от облегчения и виноватости. И решил перед мытьем посуды на минутку выбраться на балкон.

Ох и чудесное это время – летнее утро!

Солнце светило слева, половина двора была в тени от тополей, жара еще не наступила. Тянул ветерок. На веревках, словно морские сигнальные флаги, качалось белье. Одуванчики были, как осевшая на траву золотая метель. Жаль только, что на всем дворе – никого. Лишь у подъезда на лавочке – неизменные бабка Тася и бабка Шура, слышны их голоса.

Но нет, неправда, что совсем никого! По границе света и тени шел пушистый черный кот. Это был знакомый Пушок, он жил на четвертом этаже у Гриши.

Мне всегда хотелось, чтобы дома у нас жила кошка или собака. Но я об этом даже не заикался. У мамы жестокая аллергия на шерсть, это нервная болезнь такая. И ничего с ней не поделать (как и с моей)... А с Пушком я иногда играл: спускал с балкона бумажную «мышку» на длинной нитке, и Пушок прыгал за ней и гонялся с величайшей охотой. Молодой он еще, резвый.

Сейчас нитки и бумаги под рукой не было. Я схватил с полочки на перилах карманное зеркальце и пустил в траву зайчика. Прямо перед котом, по теневой стороне. Пушок тут же клюнул на эту приманку – прыг за солнечным пятном! Прыг опять!.. Но рука у меня дрыгнулась, зайчик скакнул в заросли у забора и пропал. Пушок тоже влетел в репейники – как пушечное ядро! И скрылся там, не стал выходить. Может, нашел более ценную добычу?

– Ну куда ты, дурень! Пушок! Пушок!..

И вдруг я услышал негромкий, чистый такой голос:

– Это ты меня зовешь, да?

Лопушок

Мальчик стоял у сарая в тени высокой железной бочки (потому я его сразу и не заметил). Стоял, нагнувшись и поставив ногу на обрубок бревна – видимо, перешнуровывал кроссовку. Теперь, окликнув меня, он медленно выпрямлялся.

Сперва мне показалось – Вовка Кислицын из соседнего дома. В такой же, как у Вовки, полинялой клетчатой рубашке, в обрезанных и разлохмаченных у колен джинсах, в синей бейсбольной кепке с орлом и надписью «USA, CALIFORNIA». Из-под кепки торчали по кругу сосульки светлых волос. Но вот он встал прямо, и я понял: не Вовка. Повыше и потоньше. Раньше я его не видал. Но в то же время лицо казалось знакомым. Наверно, потому, что было очень обыкновенным.

С улыбчивой готовностью к разговору мальчик сказал опять:

– Ты меня звал?

Я удивился, но без досады, весело:

– Вовсе не тебя, а кота! Разве ты Пушок?

– Нет, я Сережка!

Он отозвался с такой простотой и охотой, что во мне будто распахнулась навстречу ему дверца.

– А я – Ромка!

Сережка словно того и ждал:

– Вот и хорошо! Ромка, спускайся сюда!

Я откачнулся от перил. Как если бы медсестра отодвинула меня холодной ладонью.

– Я не могу...

– Заперли, да? – спросил Сережка с веселым пониманием.

Тогда я сказал сразу (если захочет, пусть уходит):

– Не заперли, а просто я не могу. Я на инвалидном кресле.

Ничего не изменилось в Сережкином вскинutom ко мне лице. Казалось, услышал он что-то совсем обыкновенное. Вроде как «мне в комнате прибраться надо» или «у меня пятка порезана, больно ходить». И сразу, с прежней готовностью к знакомству:

– Ну, тогда можно я к тебе приду?

– Да! – Я опять грудью лег на перила. – Иди! Второй этаж, двадцать шестая квартира!..

Он кивнул и убежал в подъезд, а я, дергая колеса, выбрался с балкона, покатил через комнату, зацепился за стол. Я суетился, словно Сережка мог не дожидаться, когда я открою. В передней осторожно тренькнул сигнал...

Я откинул цепочку, лязгнул замком, толкнул подножкой кресла дверь и отъехал назад. И Сережка встал на пороге.

– Здравствуй!

– Ага, здравствуй... заходи... – Я отъехал еще.

Он шагнул, глянул по сторонам, повесил свою бейсболку на отросток оленьего рога (есть у нас такая вешалка). Опять посмотрел на меня. Глаза – серовато-зеленые, с желтыми точками в зрачках. На вздернутом носу царапины – словно кошка цапнула.

– Ты один в доме, да? – В голосе была нерешительность.

– Один... Да ты чего стесняешься? Мама была бы рада!..

– Я вспомнил, у меня на носке дырка, – вздохнул Сережка. Он уже сбросил кроссовки и теперь смешно шевелил большим пальцем, который выглядывал из голубого носка.

– Да зачем ты разулся-то? Что у нас тут, музей, что ли?

– А чего пыль в дом таскать! У вас паркет...

– Ох уж паркет! Ему сорок лет! Занозистый, как горбыль... – Я говорил торопливо, со сбивчивой радостью, сам не знаю почему. – Ну, пошли! – И покатил в комнату. В большую, главную.

Сережка вошел следом. Приоткрыл рот, завертел головой.

– Ух, сколько книжек у вас! Не соскучишься...

– Ага. Эту библиотеку еще дедушка начал собирать...

– А он кто? Ученый, да?

– Почему ученый? Он главный бухгалтер был, на хлебозаводе... Он давно умер, меня еще на свете не было. И бабушка... Раньше здесь большая семья жила, а сейчас только мама да я...

– Просторно... – несмело отозвался Сережка, все оглядывая стеллажи.

– Да... Ну, пошли ко мне.

В моей комнате Сережке понравилось еще больше. Здесь не было чинной строгости книжных стеллажей, а был привычный мне (и, видимо, ему) беспорядок: книжки, раскиданные по столу и пианино, конструктор на полу, большая карта мира с наклеенными на нее картинками-кораблями, краски и карандаши вперемишку с пластмассовыми солдатиками. В общем, все такое, про что мама говорила «черт ногу сломит».

– Значит, это твоя каюта?

– Каюта, берлога, пещера... Ну, ты садись где-нибудь...

– Ладно... – Он из старого (еще бабушкиного) кресла убрал на пол солдатиков, провалился в продавленное сиденье, засмеялся. Потом вспомнил про дырку на носке, засмутился опять, спрятал ногу под кресло. А я позавидовал ему: у меня никогда не было дырок на носках, они ведь получаются от протаптывания.

– А вот эти рыцари и крепости на картинках... Это ты сам рисовал, да?

– Сам...

– Здорово! – восхитился он.

Я пробормотал, что «чего там здорово-то, ерунда...».

Сережка, вытянув шею, все вертел головой. Волосы у него были песочного цвета и торчали врозь двумя крылышками – справа длинное, слева коротенькое. Губы он осторожно трогал кончиком языка. На тонкой шее я заметил шнурок от ключа. И опять подумал, какой он, Сережка, обыкновенный, привычный и потому будто давным-давно знакомый.

Мы встретились глазами. И тут, несмотря на всю Сережкину знакомость, нашла на нас новая неловкость. Этакая скованность, когда не знаешь, о чем говорить. Сережка опять начал старательно оглядывать комнату. Терял бахрому на штанине и помусоленным пальцем трогал под коленкой изрядный кровоподтек.

– Крепко ты приложился, – сказал я. – В футбол играл, да?

– Не-а! – обрадовался он. – Это на дворе об кирпич...

– Небось искры из глаз, – посочувствовал я.

– Целый салют!.. А у тебя тоже вон блямба на колене!

– Да мне-то что! Я же не чувствую...

Сережка перестал улыбаться, помялся.

– Совсем, что ли, не чувствуешь?

– Ага, – отозвался я беспечно. Не страдай, мол, за меня.

Сережка помолчал и спросил, словно сдерживая боль:

– А это у тебя... с самого рождения, да?

Я не любил такие расспросы, но Сережке ответил без досады:

– Нет, что ты! Мне пять лет было, я бегал с ребятами по улице и упал спиной на железный прут. От арматуры. Строители зарыли мусор, а этот стержень из земли торчал.

– Я знаю. Я один раз на такой ладонью напоролся, когда с велосипеда...

– А я – позвоночником... Сперва боль сильная, в больницу повезли, целый месяц лежал, потом сказали, что все в порядке, последствий не будет... Ну, их и не было сначала. А через полгода я однажды проснулся, встал с кровати на пол – и бряк. Мама говорит: «Ты чего дурачишься?» А я смеюсь. Сперва забавно показалось, что ноги есть и тут же их как будто и нет... Ну, а потом больницы, анализы, консилиумы... Нервы, говорят, повредились. А как лечить, никто не знает... Мама пыталась добиться, чтобы за границу меня повезли, в американский госпиталь, да туда столько желающих, а долларов нету...

Сережка слушал без жалости на лице, но с пониманием. Будто и раньше знал о таких делах. Переспросил:

– Значит, точный диагноз не поставили?

– Не-а... Кое-кто думает, что это из-за отца. Он участвовал в ликвидации аварии на атомной станции и там нахватался радиации сверх нормы. Это еще когда меня не было, а он в спецчастях служил. А потом он умер от лейкоза. Мне три года было, я его почти не помню...

В три года человек не такой уж беспамятный, и, может быть, я запомнил бы отца. Но они с мамой развелись, когда мне не было еще и двух лет. Однако про это я говорить Сережке не стал. Он и без того как-то осунулся, застенялся опять. Я сказал бодро:

– Вообще-то диагноз поставили. Длиннющее такое название. Но кто его знает, точный ли... Один молодой врач говорил, что тут много зависит от моей силы воли, от самовнушения. «Заставь, – говорит, – себя подняться». Один раз даже заорал на меня неожиданно: «А ну, встать! Немедленно!..» А я моргаю: как это встать, если невозможно?.. Потом этому врачу попало. Кто, мол, дал право такие опыты производить над детьми... Мне тогда семь лет было... Теперь говорят, что уже точно неизлечимо...

Сережка не стал утешать меня всякими словами, что медицина развивается и что не надо терять надежды. Сказал спокойно и будто даже чуть завистливо:

– Зато у тебя руки вон какие. Рисуешь, как художник.

Я не стал скромничать и отнекиваться.

– Да, руками я кое-что умею...

– И это умеешь? – Сережка поднял с пола ракетку для настольного тенниса.

– Ну... вообще-то могу. Мы с мамой иногда играем. Раздвигаем в большой комнате стол и... Бывает, что на спор: кому после ужина посуду мыть.

– А давай попробуем!

– Ты правда хочешь? Давай!..

Наш стол, даже раздвинутый, был, конечно, меньше стола для пинг-понга. Но это и хорошо, как раз по мне. Сетку мы не нашли, вместо нее поставили на ребро несколько книг. Сережка решил:

– Я тоже буду играть сидя. Чтобы на равных...

– У тебя не получится с непривычки, играй обыкновенно.

Он спорить не стал, но (я это видел) приготовился поддаваться.

Мы разыграли подачу, я выиграл. Сережка играл ничего, не хуже Вовки Кислицына или Владика Ромашкина. Но...

Для начала я вляпал ему пять мячиков подряд. Он уже не вспоминал, что хотел играть, не вставая со стула. Потом с его подачи я пропустил два мяча, но ему забил три.

Сережка вытер локтем лоб и сказал жалобно:

– Знал бы, дак не связывался...

– Меня мама тренировала. У нее первый разряд...

– Предупреждать надо, – отозвался Сережка с обидой. С ненастоящей, дурашливой. – Ладно хоть, что не всухую...

Мы закончили со счетом двадцать один – шесть.

– Так мне и надо, – вздохнул Сережка. – Где у вас посуда?

– Мы про это не договаривались! Это только с мамой...

– Но должен же я себя наказать! За то, что нахально сунулся играть с чемпионом!

– Какой я чемпион! Да я... ты просто не привык тут со мной... Ой! А посуду-то правда надо мыть, а то от мамы влетит!

– Давай вместе!

Тарелки и стаканы он мыл гораздо лучше, чем в теннис играл. Мы управились за три минуты. Сережка вытер последнее блюдо и завертел его перед собой, как зеркальце. На блюде была нарисована рыжая котеночья мордочка.

– Симпатичный какой кот...

– Это старинное блюдо, бабушкино... – И я вдруг вспомнил: – Слушай, а почему ты отозвался, когда я кричал: «Пушок, Пушок»?

Сережка осторожно поставил старинное блюдо, облизал губы, подергал шнурок на шее.

– Мне слышалось «Лопушок»... Меня так в детстве звали, потому что лопухий был... Мама так звала...

– Сейчас-то уж, наверно, так не зовет, – деликатно заметил я. – Никакой лопухости нисколько уже не заметно...

Сережка опять стал разглядывать блюдо.

– Сейчас некому так звать. Мамы нету... уже три года...

Я подавленно молчал. Сережка встряхнулся. Проговорил с какой-то искусственной взрослостью:

– Видишь как бывает... У тебя отец, у меня мама... Вот так... – И стал тереть чистое блюдо полотенцем.

И я почувствовал, что Сережка ничуть не счастливее меня. Даже наоборот. Ну, пусть я без ног, зато с мамой! Это в миллион раз лучше, чем если бы совсем здоровый, а мамы нет. Мне на миг даже страшно сделалось, будто кто-то предложил такой выбор. А потом... не знаю, как это назвать. Какое-то особое тепло у меня появилось к Сережке. Потому что его можно было пожалеть. Раньше все жалели меня, а тут был мальчишка, который нуждался в сочувствии не меньше, чем я. У каждого была своя беда, и это нас уравнило.

– А живешь-то с кем? С папой?

– Да... С отцом и с его сестрой, с теткой. Она ничего, добрая. Иногда только веником или полотенцем замахивается, если что не так... – Сережка засмеялся. Видно было, что смехом он пытается отогнать печаль. От нас обоих.

Потом он совсем уже бодро предложил:

– Пойдем теперь гулять! Тебе можно?

– Можно, конечно! Только сперва надо кресло вниз тащить, потом меня... Хотя я и сам могу по ступеням, я уже попробовал!

– Не выдумывай! Что я, не унесу тебя, что ли?

– Мальчишки меня всегда вдвоем носят. А мама с трудом уже... Она о новом кресле хлопочет в Красном Кресте, о таком, в котором можно по лестнице...

– Я тебя не хуже нового кресла доставлю куда надо! Я тренированный. Осенью я весь наш урожай картошки из сарая в подвал перетаскал, в рюкзаке. Тетя Настя даже похвалила: «Вот, – говорит, – хоть какой-то талант у человека проявился»...

– Почему «хоть какой-то»? – обиделся я за Сережку.

– Потому что я – личность без всяких проблесков. Весь на среднем уровне. Даже фамилия самая-самая простая...

– Какая?

– Сидоров.

– Ну и что? Хорошая фамилия. У нас в доме твой тезка Сергей Сидоров живет, мастер спорта по велосипеду...

– Ну так это ведь он мастер, а не я. А у меня никаких талантов сроду не было.

Я подумал, что у Сережки по крайней мере один талант есть бесспорно – сразу становиться своим человеком.

– Ладно, тащи вниз кресло и приходи за мной. Я пока позвоню маме...

Он потащил, а я, перебравшись на тахту, позвонил.

– Мам, я погуляю, ладно?.. С Сережкой Сидоровым. Он меня спустит и поднимет, не волнуйся... Да нет, не чемпион! Мальчик с нашего двора... Ну и что же, что не знаешь, зато я знаю! А ты увидишь и тоже сразу его вспомнишь, ты его не раз встречала... – Тут я малость хитрил, но был уверен, что мама, увидев Сережку, в самом деле примет его за знакомого. – Что? Ну, конечно, недолго... Вымыл, вымыл... Ну, не бойся ты, я же не один!.. Все запру! Ладно, будем осторожны. Пока!

Сережка вернулся, стоял в дверях и слушал разговор. Потом подошел, подставил спину:

– Садись.

Я устроился у Сережки на закорках.

– Тяжело?

– Нисколечко... – И понес меня. Терпеливо подождал, пока я запираю входные замки, вприпрыжку спустился со мной к выходу, пронес мимо любопытных бабки Таси и бабки Шуры («Здравствуй, Ромочка! На прогулку поехал, голубчик?»). Ловко пересадил в кресло. Я уперся ладонями в обручи.

– Поехали скорее! – Подальше от словоохотливых бабок.

– Давай покачу тебя!

– Что ты, я сам!

Деревянные тротуары

Наша улица не в центре, но и не на самой окраине. В районе, который называется Текстильный. На ней стоят одинаковые панельные многоэтажки и растут жиденькие клены. Машин здесь немного, но регулярно проезжает автобус тридцать первого маршрута.

Мы двигались по асфальту, в расщелинах которого росли подорожники. Я ладонями толкал дюралевые обручи – они приделаны к колесам специально для рук. Передние колесики прыгали на асфальтовых бугорках. Сережка шел рядом. Я все ждал, что он спросит: «Куда двинемся?» Но он вдруг вздохнул:

– Ты неправильно сказал своей маме...

– Что неправильно?

– Я не из вашего двора.

– Какая разница? Все равно ведь ты недалеко живешь!

– Далеко. Если на тридцать первом ехать, то целых полчаса, до стадиона «Чайка». А там еще пешком по Диспетчерской и Партизанской...

– А как ты здесь оказался?

– Просто так. У меня привычка такая... вернее, занятие. Гуляю по всему городу, смотрю: где что интересное. И где есть хорошие люди...

Я огорчился и встревожился:

– Значит, ты здесь случайно!

Он быстро посмотрел на меня сбоку.

– Почему же случайно?

– Мог ведь и не завернуть в наш двор...

– Кто его знает, – тихо отозвался Сережка, глядя под ноги.

– И... наверно, больше уже не завернешь, – шепотом сказал я. – Будешь гулять по новым местам. Искать... новых людей.

Сережка положил руку на спинку кресла.

– Зачем же мне новых? Раз уж я нашел тебя... – Это он все так же тихо проговорил, даже скучновато. Но по мне опять прошло тепло – по всему телу, даже по ногам. Я зажмурился, прижался затылком к спинке, потом глянул на Сережку. Он шмыгнул носом, но глаз не отвел. Вернее, отвел, но не сразу, а когда все уже было ясно. Поглядел по сторонам и спросил равнодушным тоном:

– Эта улица в честь какого Глазунова называется? Есть такой композитор, есть художник...

– В честь Героя Советского Союза. Он был летчик и погиб в сорок пятом году... Он до войны в нашем городе жил.

– Я даже и не слышал про такого, – озабоченно сказал Сережка. – Ну ладно... А куда пойдем-то?

Когда я гулял с мамой или ребятами, маршруты были одни и те же: или к площади Пушкина, где большой фонтан, или в сквер у Городского театра, или на Большой бульвар...

– Сережка! Давай куда-нибудь наугад! Где я еще никогда не был! Ну, хоть в этот переулок!

В самом деле, сколько раз проезжал я в кресле мимо узкого переулка между булочной и кирпичным забором, а понятия не имел, что там, в нескольких метрах от улицы Глазунова. И сейчас даже подумалось: вдруг что-то необыкновенное?

Переулок назывался Кочегарный (и кто это придумывает такие названия?). Пятиэтажный дом с булочной был в нем самым большим. Дальше стояли двухэтажные дома, обитые почерневшими досками и украшенные под крышей нехитрой деревянной резьбой. Сразу видно –

очень старые. Между ними тянулись тесовые заборы. Это – на правой стороне. А на левой – длинный кирпичный забор с узорчатой решеткой наверху. Вдоль него мы и пошли. Асфальтовый тротуар стал узеньким, разбитым. Колеса запрыгали по выбоинам.

Сережка стал подталкивать кресло. Сперва незаметно, потом сильнее – помогал мне. И я теперь не спорил. Скоро он уже по-настоящему катил меня, а я ладонью вел по верхушкам сорняков, что росли вдоль кирпичной стены.

Мы свернули на деревянную одноэтажную улицу с палисадниками и немощеной заросшей дорогой. Здесь было солнечно и пусто, лишь трое малышей гоняли по дороге ярко-синий мячик. Они поглазели на нас, но недолго. Над палисадниками и дорогой летали бабочки. На лужайке у приземистого домика паслась пятнистая добродушная корова. Она тоже посмотрела на нас.

– Я и не знал, что рядом с нами такая деревня. Не верится даже...

– Нравится? – спросил Сережка.

– Будто в иные края попал. Или на другую планету...

Сережка кивнул и покатил меня дальше. Так началось наше первое путешествие по тихим переулкам и пустырям.

Пустырей было много. На них блестели жестянки и битое стекло, рос на мусорных кучах репейник и бродили кудлатые козы. И мне казалось иногда, что это джунгли в какой-то сонной загадочной стране. Я так и сказал Сережке.

Он ответил серьезно:

– Конечно. Тут ведь как взглянуть... Если разобраться, то здешний чертополох ничуть не хуже всяких кактусов и агав. Ну, тех, что растут на окраинах заморских городов.

– И сколько всяких трав!.. Я даже не знаю, как они называются. Кроме лебеды и репейника.

– Я тоже многих не знаю...

Но кое-какие травы Сережка знал. Те, про которые говорят «сорняки», а на самом деле они красивые...

– Вот эти розовые свечки называются «кипрей» или «иван-чай». Это дикий укроп. А вот белцвет, чистотел... осот... Смотри, и конопля здесь растет... Тысячелистник...

Над пустырем в жарком воздухе стояли белые зонтики широких соцветий, верхушки с лиловыми и желтыми шариками, серые кисточки и колоски. Густо переплетались узорчатые травяные листья.

– А вот полынь! – обрадовался Сережка. Он сорвал с пыльного кустика головку с серыми шариками, потер в ладонях.

– Сделай так же, вдохни...

Я поднес к лицу натертые семенами ладони. Горький солнечный запах вошел в меня... ну, не знаю, как сказать. Будто простор распахнулся. Степь до самого горизонта, которую я видел только на телеэкране...

– Пахнет безлюдными пространствами, – прошептал Сережка.

– Ага... – выдохнул я. Но тогда еще не понял всего смысла этих слов. А позже, когда тайна Безлюдных Пространств пропитала мою жизнь, я не раз вспоминал этот пустырь и Сережкин шепот.

После пустыря с полынью мы еще долго слонялись по старым переулкам и делали всякие открытия. То увидим домик с причудливой резьбой на карнизах, то горбатый, будто в сказке, мостик через канаву, то совершенно деревенский колодец с «журавлем». Всюду росли знакомые мне высоченные одуванчики...

Сережка уже совсем завладел креслом и катил меня легко и без усталости. Я только глядел вокруг и гладил головки травы. Несколько раз на ноги мне садились коричневые бабочки, и я (честное слово!) ощущал щекотанье их лапок.

В этих безлюдных зеленых переулках асфальт встречался редко, зато было много дощатых тротуаров. Я с тех пор навсегда запомнил, как хорошо пружинят доски под колесами. Иногда, правда, колеса проваливались в щели, но Сережка легко их выдергивал и вез меня дальше...

Мы бродяжничали по незнакомой деревянной окраине и говорили про все понемногу. И хорошо нам было оттого, что столько у нас одинакового. В августе нам должно было стукнуть двенадцать лет. Нам одинаково нравились книжки про Тарзана, а марсианские романы того же писателя, Берроуза, мы считали занудными. Мы оба раньше собирали марки, а потом бросили. Оба не любили математику, «история и география в тыщу раз интереснее, хотя учебники там тоже скучные».

Нам нравились песни группы «Корсар» и фильмы про морские приключения, а кино, где людей дырявят из автоматов и кольтов, мы не любили: сперва вроде бы интересно, а потом тошно...

Нам обоим было по душе такое нехитрое, но увлекательное занятие: смотреть, запрокинув голову, как в небе кружат голуби и стремительно стригут воздух ласточки...

Я рассказал Сережке про себя много всего. И про то, как в больнице от тоски пытался сочинить поэму о привидениях в рыцарском замке, и про случай с грабителем, и даже про дядю Юру. Как он уехал и оставил мне сборную модель самолета. Я ничего не скрывал. Потому что ведь и Сережка без утайки рассказывал мне про свою жизнь. Как тетка пилит его и отца, потому что у нее у самой не сложилась судьба, муж бросил; и как отец иногда «зашибает» после полочки, а потом ходит виноватый.

– Даже такой... ну, будто подлизывается ко мне. А мне его жалко тогда...

Но о грустном говорили мы не так уж много. Поделимся семейными печальми, а потом, надолго, о чем-нибудь хорошем. О веселом. Я – о том, как с ребятами во дворе накачивали велосипедным насосом резинового крокодила и он рванул наконец, будто бомба, а бабка Тася и бабка Шура решили, что в доме взорвался газ. А Сережка – про то, как его записали в школьный хор и как выгнали с первой же репетиции, потому что «тебе, мальчик, озвучивать в кино аварийные сирены и мартовских котов...».

Иногда мы хохотали так, что незнакомые тетушки высовывались из раскрытых окошек. Однако не ругали нас...

Но мы не все время разговаривали. Иногда двигались просто так, задумчивые. Понимали друг друга молча. Дорогу мы выбирали наугад. Наугад – это же здорово! Везде можно ждать интересного!

Наконец заросшая рябинами улица Кровельщиков привела нас к стене из бетонных плит. За ней слышались голоса, магнитофонная музыка, шум. А неподалеку опять виднелись большие дома и звякал трамвай.

– Это, наверно, Потаповский рынок! – сообразил Сережка. – Его тыловая часть! А вход с другой стороны...

Я не хотел туда, где много людей. И кресла своего стеснялся (будут толкать, оглядываться), и жаль было расставаться с зелеными переулками.

– Сережка, давай назад, а?

– Ладно! Только доедем до угла, посмотрим, что там за улица, на которой трамвай...

Улица оказалась Кутузовская, про нее я слышал. Она была похожа на нашу, Глазунова, только с рельсами, по которым проезжали красно-желтые дребезжащие вагоны. К рынку и от рынка толпой шли люди с сумками и кошелками. Но к нам, на улицу Кровельщиков, почти никто не сворачивал. Здесь на углу была граница городского шума и тишины.

И у самой этой границы в тени бетонного забора сидела белоголовая девочка.

Она была помладше нас, лет десяти. В потрепанных тренировочных брюках, в застиранной футболке и в жилетке из мальчишечьей школьной курточки. Можно было подумать, что мальчик, если бы не жиденькие косы над погончиками.

Девочка сидела, поджав ноги, и читала книгу. А рядом, в подорожниках, стояла картонная коробка. Я еще издали прочитал на коробке карандашные буквы: «Люди добрые, помогите. Мне и бабушке нечего есть».

Я хотя и «балконный житель», но знал, конечно, что среди нищих встречаются ребята. Такие уж нелегкие наступили времена... Но это была странная нищенка. Читательница! Много ли такой подадут!

Когда мы были метра в трех, девочка глянула на нас и снова уткнулась в книгу. Но я почувствовал: не читает она, а ждет чего-то. Скорее, не милостыни, а чтобы мы поскорей проехали.

Но я не мог просто так проехать мимо. Словно в чем-то оказался виноват. И Сережка, видимо, чувствовал то же. Притормозил кресло, руки его дрогнули на спинке.

Девочка опять бросила быстрый взгляд. Сама белобрысая, а ресницы – как мохнатые черные гусеницы. И глаза темные. Какие-то беззащитно-ощетиненные. Я отвернулся.

Сережка со спины шепнул мне в ухо:

– У меня нет ни копейки. А у тебя?

Я задергался, зашарил в кармане на шортах. Там лежала у меня латунная денежка в пятьдесят рублей. Не для покупок, а просто так. Мама подарила ее – новенькую, блестящую. Цены в ту пору скакали бешено, и полсотни рублей были уже, как говорят, «не деньги». Но каравай или батон купить было можно. Я перегнулся через подлокотник, осторожно опустил денежку на картонное дно.

– Спасибо, – сказала девочка одними губами. У нее было треугольное маленькое лицо и пыльные тени под глазами. Я промолчал, ежась от неловкости. Не говорить же «на здоровье» или «пожалуйста». Хотел уже толкнуть колеса, раз Сережка медлит. Но опять встретился с девочкой глазами. Она уже смотрела иначе, мягче, будто на знакомого. И вдруг спросила тихо, с прищепыванием:

– Ты почему на кресле? Ноги болят?

По-хорошему так спросила. И я ответил ей доверчиво, как Сережке:

– Если бы болели... А то просто не двигаются.

– Плохо это... – шепнула она.

– Чего уж хорошего...

Девочка взяла из пустой коробки денежку и вдруг улыбнулась:

– Красивая. Будто золотая...

Я не знал, что сказать на это. И уехать молча было уже неловко. А Сережка вдруг спросил озабоченно:

– Ты зачем здесь-то устроилась, за углом, на пустом месте? Тут люди почти не ходят...

Девочка перестала улыбаться.

– Зато никто не пристаёт. И читать не мешают...

– Но ведь и не насобираешь ничего, – настаивал Сережка.

– Ну и пусть... Я и не хочу.

– Не хочешь, а сидишь...

– Бабушка заставляет. Ей пенсию третий месяц не платят, вот она и говорит: «Иди, добывай на прокорм, пускай люди видят, до чего нас нынешняя власть довела...» Я сперва бутылки собирала на стадионе и на пляже, но там мальчишки прогоняют и отбирают, у них все места между собой поделены. И у нищих рядом с рынком тоже. А здесь можно...

Сережка тихо дышал у меня за спиной. Девочка вертела в пальцах монетку. Чтобы не молчать, я спросил:

– А что читаешь?

Она повернула ко мне растрепанную обложку. Это была книжка английской писательницы Энид Блайтон «Великолепная пятерка на острове сокровищ». Я ее читал. А Сережка, видимо, нет.

– Интересно? – спросил он.

– Да... Только я ее уже третий раз читаю, потому что других нету... Я ее на три бутылки из-под пива у одного пацана выменяла...

– У этой книжки есть продолжение, – сказал я. – Даже два. Хочешь, мы принесем?

– Правда? – У девочки подскочили светлые бровки, глаза под мохнатыми ресницами заискрились. Они были теперь как янтарные бусины. Я оживился.

– Конечно, принесем! Можем завтра!.. Сережка, можем?

– Само собой. Все равно ведь пойдем гулять.

Счастье опять накрыло меня – как пушистым одеялом. Оттого, что Сережка так меня понимает и что завтра снова мы будем вместе. А девочка смотрела и обрадованно, и с недоверием.

– Завтра в это же время, – подвел итог Сережка. – Жди на этом самом месте.

– Я весь день... буду ждать...

– Ну, пока... – И Сережка лихо развернул мое кресло. И покатил. Я даже не успел ничего сказать. Только метров через двадцать упрекнул его:

– Ну ты рванул с места. Даже не спросили, как ее зовут.

– Ох, верно... Подожди! – Он оставил меня и застучал по доскам кроссовками. Я, вывернув шею, смотрел из-за спинки, как он подбегает к девочке. Подбежал, постоял рядом несколько секунд и опять примчался ко мне.

– Ее зовут... Странное какое-то имя. Вроде как Сойка...

– Может быть, Зойка?

– Может быть... Но Сойка лучше. Есть такая лесная птица.

И я согласился, что Сойка лучше...

Квартала два мы двигались обратно по улице Кровельщиков, и я думал, что Сережка везет меня домой. Вон уже сколько времени гуляем, умаялся он со мной на пустырях и в буераках. Но Сережка свернул в тесный проулок. Вернее, в проход, где только заборы по сторонам, да репейники, да травянистая дорожка. Спицы зашуршали в мелкой ромашке и клевере. Проход был извилистый.

– Ромка, мы ведь тут еще не были! Посмотрим, что там!

– Посмотрим...

– Ты еще не торопишься домой?

Я бы не торопился, но... была причина, по которой очень хотелось оказаться дома. Потому что лишь там я умел самостоятельно управляться со всякими своими делами. И в ванне, и... ну, сами понимаете. А здесь-то как? У меня уши сделались горячими.

Но Сережка – он молодец, он сразу все понял.

– Кого ты стесняешься-то! Кругом пусто, а мы свои люди. Ну-ка, давай... – Он взял меня под мышки, прижал к себе спиной и подтащил к забору. И держал так среди зарослей в стоячем положении, сколько потребовалось.

Он был одного роста со мной (если можно обо мне говорить «рост») и, видимо, одного веса, но управлялся со мной ловко и легко, словно всю жизнь ухаживал за инвалидами. И я снова сделался счастливым – и оттого, что Сережка сказал «мы свои люди», и оттого, что не надо спешить домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.